

УДК 343.1

Алексей Геннадьевич КАЛУГИН,
заместитель начальника (по учебной работе)
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск),
кандидат юридических наук, доцент
alexei_kalugin@mail.ru

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: В ПОИСКЕ ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

THE INITIAL STAGE OF CRIMINAL PROCEEDING: SEARCHING FOR OPTIMAL MODEL

Статья посвящена методологическим проблемам поиска оптимальной модели реформирования досудебного производства по уголовным делам в Российской Федерации. Начальный этап уголовного судопроизводства рассматривается в трех аспектах: анализируется правовая природа деятельности, осуществляемой на стадии возбуждения уголовного дела; исследуются цель и задачи этой деятельности; обозначается проблема несоответствия закрепленных в уголовно-процессуальном законе средств проверки сообщений о преступлениях фактическим задачам стадии. В качестве вывода предлагается одностадийная модель досудебного производства, состоящая из двух этапов. Первый – установление признаков преступления – имеет место в случаях, когда в сообщении о преступлении отсутствуют сведения о подозреваемом. Второй – уголовное преследование – начинается с момента, когда конкретному лицу придается статус подозреваемого; на этом этапе становится возможным применение всего спектра мер процессуального принуждения.

The article is devoted to the methodological issues of searching for optimal model of reforming the pre-trial proceeding in criminal cases in the Russian Federation. The initial stage of criminal proceeding is considered in three aspects: the legal nature of the activity carried out at the stage of bringing a criminal proceeding is analyzed; the purpose and objectives of this activity are examined; the problem of inconsistency of the means of verifying crime reports established in the criminal procedural law to the actual tasks of the stage is defined. As a conclusion, a one-step model of pre-trial proceeding consisting of two stages is suggested. The first – the establishment of signs of a crime – occurs in the cases when there is no information about the suspect in the crime report. The second – criminal prosecution – begins from the moment when a certain person is given the status of a suspect; at this stage, it is possible to apply the full range of procedural enforcement measures.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, доследственная проверка, досудебное производство, меры процессуального принуждения, уголовное преследование.

Keywords: bringing a criminal proceeding, preliminary inquiry, pre-trial proceeding, procedural enforcement measures, criminal prosecution.

Уже около двух десятилетий среди российских (и не только) ученых-процессуалистов продолжается бурная дискуссия о том, как реформировать начальный этап уголовного судопроизводства: нужна ли стадия возбуждения уголовного дела или же пора от нее

отказаться; что должно представлять собой дознание; изменит ли парадигму досудебного производства введение фигуры следственного судьи или судебного следователя и т.д.

Думается, что поиск оптимальной модели следует начать с решения вопросов, носящих

сущностный и методологический характер. К таковым, пожалуй, стоит отнести вопросы о правовой природе деятельности, осуществляемой на стадии возбуждения уголовного дела, о цели и задачах этой деятельности, о закреплении в уголовно-процессуальном законе средств, адекватных поставленным задачам, позволяющих решить эти задачи максимально эффективно с точки зрения реализации назначения уголовного судопроизводства.

Попробуем разобраться по порядку и начнем с правовой природы так называемой «доследственной» проверки.

Как известно, уголовно-процессуальные отношения возникают по поводу и на фоне возникшего ранее (в момент выполнения объективной стороны преступления его субъектом) уголовно-правового (материального) правоотношения. А вот что считать моментом возникновения уголовно-процессуального правоотношения по поводу конкретного криминального события?

Современная российская уголовно-процессуальная доктрина исходит из того, что таковым является момент получения специально уполномоченным на то законом государственно-властным субъектом сообщения о готовящемся или совершенном преступлении (уголовное судопроизводство как вид государственной деятельности, урегулированный уголовно-процессуальным законодательством, включает в себя деятельность по рассмотрению и разрешению сообщений о преступлениях, возбуждение и расследование уголовных дел).

Представляется, что не раз высказанная в научных трудах точка зрения о том, что проверка сообщения о преступлении – это деятельность по своему характеру непроцессуальная, административная, является на сегодняшний день как минимум устаревшей, поскольку и осуществляется она полноценными субъектами уголовного судопроизводства – следователем, дознавателем, органом дознания. Безусловно, кроме собственно уголовно-процессуальной деятельности названных субъектов, задача установления при-

знаков преступления решается с привлечением иных органов государственной власти, действующих в пределах своей компетенции и использующих методы и процессуальный инструментарий иной (не уголовно-процессуальной) отраслевой принадлежности, на что прямо указывает ч. 1 ст. 144 УПК РФ: с одной стороны, должностные лица органов предварительного расследования самостоятельно вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их, назначать судебную экспертизу и получать заключение эксперта, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование; с другой стороны – вправе «... требовать производства документальных проверок, ревизий, ... давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий».

Однако уже из этой формулировки видно, что собственно уголовно-процессуальную проверку сообщения о преступлении непосредственно осуществляют именно субъекты уголовного судопроизводства (органы предварительного расследования), а результаты иных видов деятельности (оперативно-розыскной, административной, контрольно-ревизионной) они же используют лишь в виде готового информационного продукта, полученного (истребованного) по их поручению.

Таким образом, деятельность, которая осуществляется в стадии возбуждения уголовного дела, объективно имеет уголовно-процессуальную природу. На это прямо указывают содержание как специальной нормы (ст. 144 УПК РФ «Порядок рассмотрения сообщения о преступлении»), так и более общие положения кодекса (в частности, п. 9 ст. 5, ст. 6.1). В подтверждение этого вывода обратимся к правовой позиции Конституционного Суда РФ, который в постановлении от 13 июня 2019 г.¹ сформулировал следующее: срок досудебного производства включает в себя период *со дня подачи заявления, сообщения о преступлении* (выделено нами.

1 По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б.А. Сотникова : постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.2019 N 23-П.

– А.К.) до дня принятия решения о приостановлении предварительного расследования по уголовному делу по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, т.е., если лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено (ч. 3.1 ст. 6.1. УПК РФ), а также период со дня подачи заявления, сообщения о преступлении до дня принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела (выделено нами – А.К.) либо о прекращении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, т.е. ввиду истечения сроков давности уголовного преследования (ч. 3.3. ст. 6.1. УПК РФ).

В конце концов, даже если по результатам проверки сообщения признаки преступления не будут установлены, а будет принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела, кто поспорит с тем, что это – уголовно-процессуальное решение!?

Далее переходим к цели и задачам деятельности по проверке сообщения о преступлении.

Общепризнанно, что основной задачей стадии возбуждения уголовного дела и, соответственно, целью проверочной деятельности в этой стадии является установление оснований для возбуждения уголовного дела, а именно признаков преступления, если в сообщении эти признаки недостаточно четко просматриваются либо достоверность информации об их наличии вызывает сомнения. Результатом этой проверки, которую мы привыкли называть следственной, является вывод о наличии либо отсутствии события (факта), имеющего объективные (объект, объективная сторона), а в отдельных случаях и субъективные (например, признаки специального субъекта) признаки конкретного юридического состава, предусмотренного одной из норм Особенной части УК РФ. Наличие достаточных (а это в том числе означает и достоверных) данных об указанных выше признаках ч. 2 ст. 140 УПК РФ именуется «основанием для возбуждения уголовного дела». Но можно ли поставить знак равенства между понятиями «возбуждение уголовного дела» и «начало уголовно-процессуальной деятельности»? Только что мы убедились в обратном! Тогда что означает «возбуждение уголовного дела»? Что

изменяется при переходе от «следственной» проверки к предварительному расследованию? Процессуальная форма, содержание процессуального статуса участников или, может быть, содержание самой деятельности?

И вот тут мы подошли к самому интересному: к сущности и содержанию таких понятий, как «производство по уголовному делу», «уголовное преследование» и «досудебное производство», и их соотношению между собой.

В восприятии не только не посвященных в тонкости юриспруденции граждан и представителей средств массовой информации (на бытовом уровне), но и юристов (как практиков, так и ученых – на уровне доктринального толкования) возбуждение уголовного дела ассоциируется с возможностью должностных лиц органов предварительного расследования применять меры процессуального принуждения, в том числе при производстве следственных действий [1]. Проще говоря, до возбуждения уголовного дела всякое принуждение недопустимо, а после его возбуждения уголовно-процессуальный механизм «запускается» в полном объеме, включая весь арсенал процессуальных средств государственного принуждения.

Попробуем разобраться в понятиях и расставить все по своим местам.

Применение мер процессуального принуждения, предусмотренных разделом IV УПК РФ, предполагает появление у конкретного физического лица определенного процессуального статуса, чаще всего речь идет о статусе подозреваемого. Наряду с ограничением его конституционных прав производство следственных действий, непосредственно направленных на изобличение данного лица в совершении преступления, собственно, и составляет сущность той части уголовно-процессуальной деятельности, которая именуется уголовным преследованием. Вместе с тем законодатель в п. 55 ст. 5 УПК РФ дает, на наш взгляд, недостаточно точное определение этому понятию: «уголовное преследование – процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления». Прежде всего, в данном определении никак не выделен

признак, который, на наш взгляд, должен являться ключевым – применение процессуального принуждения. Ведь производство тех же следственных действий далеко не всегда сопряжено с применением какого-либо процессуального принуждения. Некоторые следственные действия в принципе невозможно провести принудительно (допрос, очная ставка, проверка показаний на месте, следственный эксперимент), хотя они могут быть непосредственно направлены на изобличение лица в совершении преступления.

Кроме того, если толковать п. 55 ст. 5 УПК РФ буквально, то можно сделать вывод, что уголовное преследование предполагает в качестве обязательного признака также и наличие процессуального статуса подозреваемого либо обвиняемого.

Однако системный анализ положений чч. 1, 1.1, 1.2 ст. 144, ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ, а также правовой позиции Конституционного Суда РФ по поводу обеспечения права на защиту лицам, в отношении которых осуществляется деятельность, фактически направленная на их изобличение в совершении преступления, приводит нас к совершенно иному выводу.

Так, в постановлении Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г.¹ говорится о том, что в целях реализации конституционного права пользоваться услугами защитника «необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование. При этом факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела, проведением в отношении него следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него». Данный подход предписывается использовать во всех случаях, «когда его права и свободы существ-

венно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, связанными с уголовным преследованием».

Данная правовая позиция впоследствии нашла отражение в приведенных выше нормах УПК РФ (чч. 1, 1.1, 1.2 ст. 144, ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ).

Такой подход к определению содержания уголовного преследования вызывает множество вопросов, если попытаться соотнести его с содержанием таких понятий, как «производство по уголовному делу», «досудебное производство» и «уголовно-процессуальная форма»:

– может ли уголовное преследование начаться раньше, чем производство по уголовному делу?

– если может, то является ли деятельность, осуществляемая в стадии возбуждения уголовного дела в целях изобличения конкретного лица в совершении преступления, уголовно-процессуальной?

– является ли уголовным преследованием деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения в совершении преступления лица, формально еще не обладающего статусом подозреваемого или обвиняемого?

– обоснованно ли считать уголовным преследованием деятельность, направленную на установление лица, совершившего преступление, если уголовное дело возбуждено по факту его совершения (так называемое «опосредованное» или «обезличенное» уголовное преследование)? [подр.: 2].

Если на все эти вопросы ответить утвердительно, то можно смело поставить знак тождества между содержанием понятий «досудебное производство» и «уголовное преследование». Но ведь объективно это не так! В тех случаях, когда преступление совершено «в условиях неочевидности», когда сам факт его не вызывает сомнений, но при этом какие-либо данные о лице, его совершившем, отсутствуют, основания для производства по уголовному делу есть, а оснований для применения процессуального принуждения нет, поскольку не к кому!

1 По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова : постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 N 11-П.

С другой стороны, сообщение о преступлении может поступить и после фактического задержания лица, подозреваемого в его совершении. В этом случае досудебное уголовное производство формально еще не началось, а государственное принуждение уже применено! Возникают резонные вопросы: является ли оно уголовно-процессуальным [3; 4] и с какого момента в этой ситуации начинается уголовное преследование?

И вот тут самое время вернуться к вопросу о целеполагании той деятельности, которая осуществляется с момента поступления сообщения о преступлении на начальном этапе досудебного производства. Попробуем очертить круг ее основных задач:

– установление факта (события) преступления, его предварительная юридическая квалификация в качестве именно преступления (отграничение от административного правонарушения, дисциплинарного проступка, гражданско-правового деликта, стихийного бедствия и т.д.);

– закрепление его следов;

– установление лица, его совершившего.

Отметим, что первые две задачи неизбежно возникают вне зависимости от наличия или отсутствия информации о лице, совершившем преступление.

Какова же цель – то есть конечный результат уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования по решению этих трех задач на начальном этапе досудебного производства?

На наш взгляд, это установление оснований для уголовного преследования, то есть для придания конкретному установленному лицу процессуального статуса подозреваемого и применения к нему мер уголовно-процессуального принуждения. Причем в тех случаях, когда информация о конкретном лице уже содержится в сообщении о преступлении, перед органом расследования ставятся только первые две из перечисленных задач, и решаются они параллельно.

И вот теперь мы логически подошли к вопросу о процессуальных средствах решения обозначенных выше задач.

Главной проблемой стадии возбуждения уголовного дела является недостаток процес-

суальной формы, что приводит к невозможности:

– своевременно собирать доказательства путем проведения следственных действий;

– обеспечить, с одной стороны, эффективную защиту прав и законных интересов граждан, вовлеченных в досудебное производство, а с другой – их надлежащее поведение в процессе установления обстоятельств преступления в силу отсутствия у них процессуального статуса, то есть как процессуальных прав, так и процессуальных обязанностей, за неисполнение которых могла бы наступать юридическая ответственность.

Все это исключительно отрицательно сказывается и на степени достоверности получаемых органом расследования сведений, и на обоснованности (а значит, и законности) принимаемых на их основе процессуальных решений.

Вывод: логика и тенденции развития современного права следуют в направлении расширения процессуальных гарантий прав личности и ужесточения стандартов доказывания, а социально-экономические реалии, проще говоря, сама жизнь, требуют оперативности в раскрытии преступлений и закреплении их следов, сокращения сроков производства по уголовному делу и процессуальной экономии во всех ее проявлениях. Следовательно, изменение парадигмы досудебного производства в российском уголовном процессе неизбежно. Исходя из высказанных в данной статье соображений, в основу этой парадигмы могла бы быть положена одностадийная модель, которая может в зависимости от наличия в сообщении о преступлении конкретных сведений о лице, его совершившем, включать в себя один либо два этапа.

На первом устанавливаются признаки преступления (в первую очередь элементы объективной стороны состава преступления), закрепляются его следы, принимаются меры к установлению лица, его совершившего. На этом этапе отсутствуют участники процесса, в отношении которых могут быть применены меры процессуального принуждения, за исключением разве что привода свидетеля, уклоняющегося от явки для дачи показаний. Производство следственных действий,

ограничивающих конституционные права граждан, в любом случае осуществляется на основании судебного решения. Этот этап используется только в тех случаях, когда в первичной информации (сообщении) о преступлении отсутствуют сведения о потенциальном подозреваемом. Он может завершиться как возбуждением уголовного преследования в отношении конкретного лица (придаанием ему процессуального статуса подозреваемого), так и отказом от такового и прекращением производства по делу, если в результате расследования будет установлено отсутствие события либо состава преступления.

Второй этап, который, на наш взгляд, и составляет содержание понятия «уголовное преследование», начинается с момента, когда конкретному лицу придается статус подозреваемого (путем его задержания, применения меры пресечения, уведомления о подозрении). Деятельность органа расследования на этом этапе направлена на изобличение именно этого лица в совершении преступления, на отыскание имущества, полученного в результате преступной деятельности, включает в себя предъявление обвинения и обоснование его доказательствами. Именно на этом этапе становится возможным применение всего спектра мер процессуального принуждения.

Применение такой модели, безусловно, требует усовершенствования и процесса доказывания.

Прежде всего, к единой процессуальной форме должен быть приведен порядок получения вербальной информации от участников процесса: заявителя, лица, считающего себя пострадавшим от преступления (потерпевший, гражданский истец), очевидцев (свидетелей), подозреваемого. Сейчас мы имеем, как известно, два варианта: процессуальный (допрос) и «квизипроцессуальный» (получение объяснений).

Представляется также целесообразным дополнить уголовно-процессуальное законодательство нормами, регламентирующими порядок добровольной выдачи и инициативной передачи физическими лицами следователю, дознавателю и в суд документов, предметов, информации, содержащейся на электронных носителях, порядок истребования указанных носителей информации в органах, учреждениях и организациях, а также порядок представления субъектами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, результатов оперативно-розыскных мероприятий для использования в процессе доказывания. Эти объективно существующие способы собирания доказательств заслуживают процессуального статуса, поскольку повсеместно используются в следственной и судебной практике, с их помощью собираются важнейшие доказательства, но, в отличие от следственных действий, они не нуждаются в обеспечении мерами процессуального принуждения.

Библиографический список

1. Зяблина, М.В. К вопросу об исключении из российского уголовного процесса стадии возбуждения уголовного дела / М.В. Зяблина // Российская юстиция. – 2017. – N 7. – С. 66-69.
2. Калугин, А.Г. К вопросу о содержании понятия «уголовное преследование» / А.Г. Калугин // Конституция Российской Федерации и современный правопорядок : материалы конференции: в 5 ч. / ред. кол.: В.Н. Синюков, Е.Р. Россинская, И.М. Машкевич и др. – М.: РГ-Пресс, 2019. – Ч. 5. – 376 с.
3. Россинский, С.Б. Дискуссия «Тарасов vs Россинский» о задержании подозреваемого: подведение первых итогов / С.Б. Россинский // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – Том 5. – N 1. – С. 13-19.
4. Россинский, С.Б. Момент фактического задержания подозреваемого сквозь призму конституционно-межотраслевого подхода / С.Б. Россинский // Российский следователь. – 2018. – N 8. – С. 29-33.